

УДК 811.133.1

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СИТУАЦИИ УЧЕБНОГО МУЛЬТИЛИНГВИЗМА

© Наталья Лосева, Людмила Метельская

A CASE STUDY OF INTER-LINGUISTIC INTERFERENCE IN THE CONDITIONS OF EDUCATIONAL MULTILINGUISM

Natalia Loseva, Liudmila Metelskaya

The article analyses the influence of inter-linguistic interference on the formation of the inter-language and the intermediate speech code in artificial multilinguals based on the assumption of the integrity of human language mentality. Basic mechanisms of conceptualization and denotation of reality, generation and perception of speech and social communication models are formed in early childhood and are mediated by the native language. When learning a new language, we employ the same mechanisms, just developing, enriching and partially transforming them. Therefore, we propose explain interference as a universal tool for organizing the language mentality of a multilingual person. In the case of subordinate bilingualism, language mentality is poorly differentiated, various elements of different language systems and speech codes clearly tend to intermingle. The speech, therefore, forms an actual common set of models (frames), passing on, more or less freely, from one language to another.

The article describes a case study aimed to identify which factors affect the actualization of a particular frame. Our research into the aspects of interaction between three languages (Russian, English and French) in the learners' language mentality has led us to the conclusion that an interfering influence of the native language on the choice of the speech model does not always dominate. Structural similarity between the native and first foreign languages creates a cumulative effect enhancing interference. The first foreign language interference does not always result in straight replication, but rather motivates the speaker's search for a similar "universal" operator in the second foreign language. The hypothesis of a weak interference potential of the zero operator was experimentally confirmed. Thus, the most important principle of constructing the inter-language is the explicit expression of relations between the system elements.

Such need for simple, explicit, unambiguous ways of expressing relations and universality of the chosen models makes it possible to draw a parallel between the inter-language and the artificial language.

Keywords: bilingualism, multilingualism, inter-language, intermediate language code, interference.

В статье рассматривается вопрос о влиянии интерференции на формирование интерязыка и промежуточного речевого кода искусственных мультILINGВОВ. При этом авторы исходят из предположения о единстве языкового сознания индивида. Базовые механизмы концептуализации и означивания действительности, механизмы речепорождения и речевосприятия, социальные модели коммуницирования формируются в раннем детстве и опосредуются родным языком. Каждый новый изучаемый язык будет использовать эти механизмы, развивая их, обогащая и частично трансформируя. В связи с этим авторы предлагают трактовать интерференцию как универсальный принцип, организующий языковое сознание мультILINGВОВ. Поскольку в случае субординативного билингвизма языковое сознание слабо дифференцировано, элементы разных языковых систем и речевых кодов демонстрируют тенденцию к смешению. Таким образом, формируется общий набор актуализируемых в речи моделей (фреймов), которые могут более или менее свободно переноситься из одного известного языка в другой. В статье описывается эксперимент, который ставил своей задачей выявить некоторые факторы, влияющие на актуализацию того или иного фрейма. Исследование некоторых аспектов взаимодействия в языковом сознании обучающихся трех языков (русского, английского и французского) позволило авторам сделать вывод о том, что интерферирующее влияние родного языка на выбор речевой модели не всегда доминирует. Наличие аналогичных структур в родном и первом иностранном языках создает кумулятивный эффект, усиливающий интерференцию. Интерференционное воздействие первого иностранного языка далеко не обязательно принимает форму прямого калькирования, но часто стимулирует говорящего к поиску аналогичного «универсального» оператора во втором иностранном языке. Экспериментальное

подтверждение получила гипотеза о слабом интерференционном потенциале нулевого оператора. Следовательно, эксплицитность выражения отношений между элементами системы можно считать важнейшим принципом построения интерязыка. Стремление к простоте, эксплицитности, однозначности выражаемых отношений, к универсальности актуализируемых моделей позволяет провести параллель между интерязыком и искусственным языком.

Ключевые слова: билингвизм, мультилингвизм, интерязык, промежуточный речевой код, интерференция.

I. Теоретические основания исследования

«До недавнего времени говорящий человек был вне поля зрения как психологии, так и лингвистики», писал Н. И. Жинкин в 1964 году, отмечая тем самым факт революционного переворота в лингвистике во второй половине 20-го века, когда на первый план выходит человек как носитель и пользователь языка [Жинкин, с. 29]. Языковые контакты, билингвизм и мультилингвизм, понятие языковой личности, структура языкового сознания, различия в освоении родного и иностранного языков во многом определяют проблематику современных лингвистических и психолингвистических исследований.

Среди явлений, подвергающихся сегодня углубленному изучению, следует назвать интерязык (промежуточный язык), под которым обычно понимается индивидуальная языковая система обучающегося, которая формируется в его сознании при изучении неродного языка и находится в промежуточном состоянии между родным языком и изучаемым иностранным. Исследователи справедливо полагают, что интерязык – это, по сути, «новая лингвистическая система, отличная от контактирующих языков (родного и изучаемого)» [Рогозная, с. 17]. Сам термин «интерязык», а также более удачный, на наш взгляд, термин «промежуточный язык» предполагают элемент переходности. Что же означает в теории и практике этот переход от родного языка к иностранному? Это, безусловно, не трансформация одной речевой системы в другую.

Для адекватного описания процессов, происходящих в сознании человека, изучающего иностранный язык, следует, прежде всего, предположить, что это сознание едино. Мыслительный аппарат, базовые механизмы концептуализации и означивания действительности, механизмы речепорождения и речевосприятия, социальные модели коммуницирования уже сформированы и опосредованы родным языком (РЯ). Каждый новый изучаемый язык будет использовать эти базовые механизмы, развивая и частично трансформируя их. Представляется совершенно очевидным, что изучающий иностранный язык не идет тем же путем, которым следует ребенок в процессе первичного освоения и концептуализации окружающего мира. Следовательно, новый

язык возникает в сознании как новый инструмент для осуществления знакомой и привычной деятельности.

В отношении интерязыка точно так же, как в отношении естественного языка, необходимо провести разграничение между языком как ментальной парадигмой (предлагаем называть его промежуточный язык – ПЯ) и речью, вернее речевым кодом, позволяющим генерировать высказывания на этом языке (промежуточный речевой код – ПРК).

В языковом сознании говорящего, помимо общей операциональной основы (базовых механизмов, обеспечивающих речевую деятельность), сосуществуют несколько языковых кодов (в том числе промежуточных), статус и степень развитости которых, безусловно, различаются в зависимости от того, идет ли речь о координативном, коррелятивном или субординативном типе билингвизма (или мультилингвизма). Степень дифференцированности этих кодов – показатель зрелости мультиязыковой личности. Можно предположить, что идеальный мультилингв – это человек, в сознании которого границы всех языковых кодов строго очерчены, и эти коды вступают в контакт (в процессе перевода или в ситуации многоязычного общения, например) как абсолютно отдельные системы.

Идеал естественно недостижим, а значит, в развитии языкового сознания мультилингва существуют две противоположные тенденции: тенденция к смешению кодов и тенденция к дифференциации. Первую из этих тенденций можно назвать межъязыковой интерференцией. Интерференцию в лингвистических и дидактических исследованиях часто трактуют негативно. А. А. Залевская, отмечая, что перенос навыков между первым языком (Я1) и вторым (неродным, иностранным) языком (Я2) может быть как положительным, так и отрицательным, именно этот последний случай квалифицирует как «интерференцию» [Залевская, 1999, с. 294].

Н. Н. Рогозная констатирует, что «ошибка является продуктом интерференции, а интерференция – продуктом функционирования интерязыка» [Рогозная, с. 7]. Нам кажется искусственным разделение интерференции и позитивного переноса. Такое разграничение имеет смысл

только в плане анализа конкретного речевого произведения на иностранном языке, только в ситуации здесь и сейчас, в плане оценки результата: получено ли адекватное или ошибочное высказывание. Но психологические механизмы, которые в одном случае приводят к позитивному результату, а в другом – к негативному, аналогичны.

Если понимать интерференцию широко как процесс взаимодействия разных языковых систем и речевых кодов в сознании говорящего, то необходимо признать, что она порождает механизмы, весьма полезные на начальном этапе пользования неродным языком. Интерференция предоставляет возможность опоры на предыдущий языковой опыт и обширную речевую практику на ранее используемых языках, обладает потенциалом актуализации интуитивной грамматики, то есть неосознанных представлений о способах вербализации отношений действительности. Она дает возможность трансформировать уже имеющиеся в арсенале речевые модели (фреймы) и использовать их в процессе порождения иноязычного высказывания.

Поскольку базовые речевые механизмы являются общими для разных языков, опора на предыдущий опыт неизбежна и необходима. А значит, интерференция не должна рассматриваться узко как источник ошибок в иностранном языке, но как объективно существующий механизм, который нельзя «выключить», бесполезно игнорировать, но которым, вероятно, можно в той или иной степени управлять.

Неудивительно, что именно ошибка привлекает внимание исследователей (см.: [Залевская, 2009], [Дебрэнн], [Шевнин] и др.), поскольку ошибка делает интерференцию видимой, наблюдаемой. Но огромная подводная часть интерференционного айсберга скрывает конструкции, возникшие в речи также под влиянием других языков, но не воспринимаемые как ошибочные. Во многих случаях структуры, возникающие в результате интерференции, вполне корректны. Есть случаи, когда грамматически корректные структуры не являются типичными для носителей языка, выглядят и звучат как искусственные. Эти случаи также подлежат изучению, поскольку фоссилизация (укоренение) подобных структур тормозит движение интерязыка в направлении его сближения с естественным языком носителей.

Для адекватного описания процесса интерференции необходимо определить ее место в процессе порождения речи.

Все модели порождения высказывания включают довербальный этап, когда сознание опери-

рует слабо поддающимися описанию единицами (словообразами). К описанию этих единиц и процессов, в которых они участвуют, наиболее близко подходят исследования в области внутренней речи, которая может трактоваться как один из этапов порождения внешней речи. Основные тезисы концепции внутренней речи были сформулированы Л. С. Выготским, который характеризовал внутреннюю речь как особую форму речи, имеющую свои особенности синтаксического и семантического строения, и отмечал при этом связь между внутренней и внешней речью, поскольку первая играет роль «мысленного черновика» последней [Выготский, с. 341]. Идеи Выготского были творчески осмыслены и экспериментально подтверждены Н. И. Жинкиным, который утверждал, что «применение натурального языка возможно только через фазу внутренней речи», и высказал мысль о существовании «предметного кода» внутренней речи. «Такой предметный код представляет собой универсальный язык, с которого возможны переводы на все другие языки» [Жинкин, с. 36].

А. А. Леонтьев, продолжая размышления о внутренней речи и процессе перехода от внутренней речи к внешней, приводит в своей книге «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания» слова Альберта Эйнштейна из письма Жаку Адамару: «Слова или язык, как они пишутся или произносятся, не играют никакой роли в моем механизме мышления. Психические реальности, служащие элементами мышления, – это некоторые знаки или более или менее ясные образы, которые могут быть „по желанию“ воспроизведены и комбинированы. <...> Обычные и общепринятые слова с трудом подбираются лишь на следующей стадии, когда упомянутая ассоциативная игра достаточно устоялась...» [Леонтьев, с. 160]. Интроспективные наблюдения великого ученого над процессом собственного мышления лишней раз подтверждают идею, закрепленную практически во всех моделях речепорождения, о наличии доречевого этапа, предшествующего речевому кодированию.

Таким образом, первый этап порождения речевого высказывания, оперирующий внутренне-речевыми смыслами (по Выготскому), в любом случае (как в ситуации монологизма, так и в ситуации мультилингвизма) является надкодовым. На следующих этапах семантического синтаксирования и грамматического структурирования (по Ахутиной) происходит выбор речевых моделей (фреймов) и заполнение слотов. Можно предположить, что на этих этапах в сознании искусственных мультилингвов происходит смешение речевых кодов (РК). Иначе говоря, происхо-

дит выбор из обширного репертуара фреймов, принадлежащих как родному языку, так и другим известным языкам. Причем принадлежность фреймов тому или иному РК, а также их универсальность / специфичность не всегда осознаются говорящим. Проблема обучающегося часто заключается в том, что эксплицитно сформулированные правила для иностранного языка, имеющие системный характер, не всегда трансформируются в активные операциональные модели (фреймы), принадлежащие ПРК изучаемого языка, и могут подменяться в процессе порождения речи фреймами другого языка либо гибридными моделями. Структура фрейма – это отдельный вопрос, подлежащий более подробному описанию, которое не может быть предпринято в рамках этой статьи. Но очевидно, что важной составляющей фрейма является оператор, а именно строевая единица, служащая для выражения определенного типа отношений (причинности, времени, притяжательности, инструментальности и т. д.).

Слоты фрейма «заполняются с помощью операций выбора элементов из семантико-лексических парадигм» [Ахутина, с. 191]. На этапе заполнения слотов фрейма дифференциация кодов является уже более четкой, хотя и здесь возможны интерференционные сбои. Важно, что, по мнению Т. В. Ахутиной, в операциях актуализации фреймов критическую роль играют премоторные отделы левого полушария. В операциях же выбора из парадигмы элементов для заполнения слотов участвуют вторичные поля теменной и височной долей [Там же, с. 197]. Разная физиологическая локализация этих процессов объясняет принципиально разные типы операций, совершаемых при формировании нового высказывания. Интерференционные ошибки могут возникать как на этапе выбора фрейма, так и на этапе заполнения слотов, но они будут иметь разную природу.

Каким образом элементы разных РК интерферируют в процессе порождения высказывания? Какие факторы влияют на выбор фрейма или отдельного оператора? Ответы на эти вопросы могли бы иметь важное теоретическое и практическое значение. К сожалению, процесс речепорождения не подлежит непосредственному наблюдению. Судить о процессе мы можем только по результату. Еще одна сложность описания ПЯ и ПРК заключается в их индивидуальном характере. Кроме того, как ПЯ, так и ПРК отличаются крайней неустойчивостью, подвижностью, изменчивостью. Но тем не менее с большей или меньшей степенью аппроксимации можно провести экспериментальные исследова-

ния на базе группы обучающихся, имеющих сходные стартовые показатели: одинаковая комбинация языков (например, РЯ – русский, ПЯ1 – английский, ПЯ2 – французский), одинаковые условия изучения ИЯ (например, в учебной ситуации), одинаковые методики обучения, сходный образовательный и интеллектуальный уровень, приблизительно одинаковый возраст и т. д.

Механизмы формирования ПРК также непосредственно не наблюдаемы. Однако большой массив эмпирических и экспериментальных наблюдений за результатами речевой деятельности позволяет сделать некоторые выводы. Так А. А. Залевская упоминает такие свойства ПРК, как упрощение (*simplification*), сверхобобщение (*overgeneralization*), перенос (*transfer*) [Залевская, 1999, с. 302]. Среди других эмпирически наблюдаемых свойств ПРК хотелось бы отметить тенденцию к эксплицитности выражения связей. Так, У. Вайнрайх отмечает, что «более легкой для имитации является именно более эксплицитная, более сознательно воспринимаемая модель» [Вайнрайх, с. 121]. В целом, можно сказать, что ПЯ стремится стать «идеальным» языком как в смысле гиперсистематизации в плане выражения, так и в аспекте однозначности соотношения между планом выражения и планом содержания. Можно высказать предположение, что именно эти факторы (системность, эксплицитность, однозначность, универсальность, простота) влияют на формирование репертуара фреймов (и операторов) ПРК для реализации речевого действия. Причем фреймы включаются в репертуар зачастую вследствие переноса из других РК, поскольку им приписывается статус универсальности.

Что касается тенденции к переносу, то это, по сути, и есть то, что мы называем интерференцией в широком понимании этого слова. Источником интерференции может быть как РЯ, так и ПЯ1. При том, что есть все основания полагать, что интерференция с РЯ в большинстве случаев доминирует, в пользу интерференции с ПЯ1 говорят следующие факторы: схожие ситуации изучения языков, схожие ситуации преимущественного употребления языков, структурное и лексическое сходство (в случае комбинации английский-французский, например), бессознательно формулируемая оппозиция родной язык / иностранный язык и др.

Соответственно, задачей нашего эксперимента стало выявление некоторых факторов, усиливающих или ослабляющих интерференционное влияние РЯ и ПЯ1 при выборе актуализуемого фрейма в речепроизводстве на ПЯ2.

II. Описание эксперимента

В исследовании приняли участие 40 студентов МГИМО, изучающих французский язык в вузе в качестве первого иностранного (с нуля) и достигших уровня А2 по европейской системе. При этом все участники эксперимента до начала обучения французскому языку изучали английский в школе и продолжали изучать его в вузе в качестве второго иностранного. Владение иными языками в ходе данного эксперимента не учитывалось. Тестирование проводилось в первой декаде сентября, после летних каникул, когда студенты снова вернулись к изучению французского языка теперь уже на уровне В1.

Участникам эксперимента было предложено тестовое задание, состоящее из трех частей. В первых двух частях задания студентам предлагалось перевести два небольших текста с русского и английского языков на французский:

(1) I have been studying Russian **for two years**. This year we have a new teacher. **I would like him or her to teach us more about Russian history. I hope he will do it**, because usually **we are given** too many boring grammar exercises.

(2) В этом году я начинаю учить испанский язык. **Я мечтал об этом пять лет**. Я рад, что **мне дали эту возможность**. **Я надеюсь, что у нас будет хороший преподаватель**. **Я хочу, чтобы он** рассказывал нам об Испании, показывал фильмы об этой стране и сумел нас заинтересовать.

Тексты сходны по тематике и представлены как высказывания студентов на форуме в Интернете. В качестве третьего задания испытуемым было предложено написать собственное сообщение на интернет-форум на французском языке, ответив на следующие вопросы:

(3) Cette année, vous aurez de nouveaux profs de langue. Qu'est-ce que vous attendez de leurs cours? Qu'est-ce que vous voulez qu'ils vous apprennent? (В этом году у вас будут новые преподаватели иностранного языка. Что вы ждете от их занятий? Чему бы вы хотели, чтобы они вас научили?)

Формулировки заданий и устные инструкции, которые давались экспериментаторами, не ориентировали студентов на употребление какой-либо специфической лексики или на использование каких-либо специальных структур. Студентам было сказано, что начало учебного года – это повод поразмышлять о том, чего они ждут от занятий по французскому языку.

Однако же в тексты заданий для перевода экспериментаторами были заложены потенциально «интерференционно токсичные» грамма-

тические структуры, в которых, по наблюдениям преподавателей-практиков, часто возникают ошибки, вызванные интерференцией с русским либо с английским языком. Эти структуры (с разным лексическим наполнением) присутствовали параллельно в русском и английском текстах. Следует отметить, что тестовое задание предлагалось студентам в двух вариантах: 18 студентов получили задание, где на первом месте стоял английский текст, а на втором месте – русский. 22 студента выполняли задания в обратном порядке: русский – английский. Третье задание, ориентированное на свободное высказывание на французском языке, в обоих вариантах выглядело одинаково.

Структура 1: _ два года – for two years – depuis deux ans

Здесь интерес представляет употребление студентами французского предлога *depuis* в качестве временного оператора для выражения начатого в прошлом и незавершенного действия. В английском языке для выражения аналогичного временного отношения широко используется предлог *for*, который при этом отличается универсальностью, то есть может выражать также завершенный временной интервал. В русском же языке мы имеем нулевой оператор. Результаты выбора студентами структур можно пронаблюдать в следующей таблице:

Выбранная форма	В переводе с русского (из 40 ответов)	В переводе с английского (из 40 ответов)	В целом по двум языкам (из 80 ответов)
depuis (корректный вариант)	9 (22,5%)	14 (35%)	23 (28,75%)
pendant	26 (65%)	23 (57,5%)	49 (61,25%)
pour	1 (2,5%)	2 (5%)	3 (3,75%)
il y a	1 (2,5%)	1 (2,5%)	2 (2,5%)
0 (нулевой оператор)	2 (5%)	0 (0%)	2 (2,5%)
пропуск в переводе	1 (2,5%)		1 (1,25%)

Анализируя полученные данные, прежде всего стоит обратить внимание на крайне низкое интерференционное воздействие русского языка. Нулевой оператор, присутствующий в русском тексте, был ошибочно воспроизведен только в 2,5% случаев и только в переводе с русского, то есть в непосредственном контакте с русским текстом (в 5% случаев). Вопрос об интерференционном воздействии английского языка сложнее.

Pour, непосредственный аналог английского предлога *for*, возникает в переводе в 3,75% случаев. То есть частотность этого ошибочного употребления тоже не очень велика, но примечательно, что у одного из респондентов он появился в переводе с русского, при том что в переводе с английского у того же респондента присутствовал другой вариант – *pendant*, впрочем, тоже ошибочный.

Заметим, что ошибочный вариант *pendant* доминирует как в переводах с английского (57,5%), так и в переводах с русского (65%). Такая высокая частотность ошибочного варианта настораживает, тем более что разница между *depuis* и *pendant* на уровне А2 активно отрабатывается в упражнениях, к ней привлекается внимание студентов.

Объяснение этому результату можно найти в том, что ни в русском, ни в английском языках нет четкой и однозначной дифференциации между обозначением времени протекания законченного и незавершенного действия. Ср.: *Я прожил там два года. – Я живу здесь два года. I've been living here for two years. – I lived there for two years.* Однако нулевой оператор в русском языке, очевидно, обладает слабым интерференционным потенциалом. В то время как английский оператор *for* либо калькируется (*pour*), либо стимулирует поиск аналогичного универсального оператора во французском языке (*pendant*). Таким образом, при слабом воздействии родного языка имеет место прямая и, по всей вероятности, косвенная интерференция с первым иностранным языком. А также можно говорить о подтверждении нашей гипотезы о предпочтении, которое ПРК отдает эксплицитным и универсальным операторам.

К сожалению, в этом тесте нет данных по свободному употреблению этих структур, поскольку в своих собственных речевых произведениях респонденты их не использовали.

Структура 2: мечтал об этом – do it – en rêver / le faire

Здесь экспериментаторы ставили перед собой задачу пронаблюдать за использованием студентами двух грамматически синонимичных структур: указательного местоимения *cela* (*ça*) с предлогом или без предлога и приглагольных безударных местоимений *le*, *en*. Следует отметить, что конструкции *Il va le faire. – Il va faire cela (ça). J'en ai rêvé. – J'ai rêvé de cela (ça)* во французском языке сосуществуют, но употребление указательного местоимения в ударной позиции стилистически менее удачно и характерно, скорее, для разговорной речи. Однако же именно это употребление структурно соответствует моде-

лям, существующим в русском и английском языках, поэтому его следует признать интерференционно маркированным.

Выбранная форма	В переводе с русского (из 40 ответов)	В переводе с английского (из 40 ответов)	В целом по двум языкам (из 80 ответов)	В свободном употреблении (из 4 ответов)
<i>cela</i> (<i>ça</i>) / <i>de cela</i>	14 (35%)	15 (37,5%)	28 (36,25%)	3 (75%)
<i>le / en</i> приглагольные	20 (50%)	14 (35%)	34 (42,5%)	1 (25%)
ошибочно <i>се /ça</i> в безударной позиции перед глаголом	-	7 (17,5%)	7 (8,75%)	
ошибка в выборе приглагольного местоимения <i>le / en</i>	2 (5%)	2 (5%)	4 (5%)	
пропуск в переводе	2 (5%)	1 (2,5%)	3 (3,75%)	
другие варианты перевода	2 (5%)	1 (2,5%)	3 (3,75%)	

В 42,5% ответов респонденты использовали корректные и интерференционно не маркированные структуры с приглагольным местоимением в безударной позиции.

Тот факт, что в 35% случаев респонденты использовали в целом корректные, но стилистически не очень удачные (и не рекомендованные преподавателями в процессе обучения) структуры с указательным местоимением в ударной позиции, можно объяснить кумулятивным интерференционным воздействием русского и английского языков, где используются аналогичные структуры. Этот эффект усиливается еще и за счет того, что получаемая таким образом структура более эксплицитна и более системна (едина для местоимений и существительных: *je rêve de ce voyage – je rêve de cela*).

Однако же в русском языке местоимение не имеет фиксированного места во фразе и может помещаться перед глаголом (чего нет в английском языке). Поэтому тот факт, что ошибочное употребление указательного местоимения в по-

зиции перед глаголом было зафиксировано в переводе с английского языка, для которого такое употребление не характерно, говорит о доминирующем воздействии русского.

Досадно, что только 4 респондента употребили наблюдаемые структуры в своем свободном высказывании, но примечательно, что в 3 случаях из 4 это были интерференционно маркированные структуры.

Структура 3: я надеюсь, что – I hope ___ he will – j'espère que

Выбранная форма	В переводе с русского (из 40 ответов)	В переводе с английского (из 40 ответов)	В целом по двум языкам (из 80 ответов)	В свободном употреблении (из 40 ответов)
союз que	37 (92,5%)	34 (85%)	71 (88,75%)	39 (97,5%)
отсутствие союза que	3 (7,5%)	6 (15%)	9 (11,25%)	1 (2,5%)

В английском и русском языках связующий союз в сложных предложениях с придаточным дополнительным может быть опущен. Два варианта (с нулевым оператором и с эксплицитно выраженным союзом) существуют параллельно. Во французском языке опущение союза недопустимо. В предъявленных для перевода текстах союз отсутствовал в английском и присутствовал в русском. Казалось бы, наличие аналогичных структур в родном и первом иностранном языках могло бы производить кумулятивный интерференционный эффект. Однако экспериментальные данные показывают, что это воздействие не существенно (11,25% суммарно для переводов с двух языков). При этом в тех вариантах заданий, где русский текст (с эксплицитным маркером *что*) был предъявлен первым, ни в одном из 22 случаев союз опущен не был. И в последующем переводе с английского было допущено лишь 2 ошибки. В том же варианте, где первым был предъявлен английский текст, в переводе с английского зафиксировано 4 ошибки, и еще 3 ошибки в последующем переводе с русского. То есть интерференция имела место по факту непосредственного контакта с интерферирующим явлением. В свободной же речи зафиксирована лишь одна интерференционно маркированная структура.

Полученные данные подтверждают, что интерференционный потенциал нулевого оператора даже при наличии кумулятивного эффекта край-

не невысок, поскольку ПЯ стремится к эксплицитному выражению отношений и отторгает нулевые операторы.

Структура 4: я хочу, чтобы он рассказал – I would like him or her to teach us – je voudrais qu'il nous apprenne

Выбранная форма	В переводе с русского (из 40 ответов)	В переводе с английского (из 40 ответов)	В целом по двум языкам (из 80 ответов)	В свободном употреблении (из 17 ответов)
корректный вариант je veux / voudrais que + глагол в subjonctif	13 (32,5%)	6 (15%)	19 (23,75%)	8 (47%)
ошибочная конструкция je veux / voudrais que + глагол в indicatif	13 (32,5%)	14 (35%)	27 (33,75%)	3 (17,6%)
ошибочная конструкция по модели complex object	9 (22,5%)	8 (20%)	17 (21,25%)	4 (23,6%)
гибридные модели	4 (10%)	6 (15%)	10 (12,5%)	2 (11,8%)
пропуск в переводе	1 (2,5%)	2 (5%)	3 (3,75%)	
другие варианты		4 (10%)	4 (5%)	

В этом пункте эксперимента перед респондентами стояла сложная задача выбора структуры для описания волеизъявления по отношению к третьему лицу (*Я хочу, чтобы он...*). Корректная грамматическая структура во французском языке требует употребления в придаточном предложении глагола в сослагательном наклонении (subjonctif). Студенты на уровне A2 только бегло знакомы с этим наклонением, а задача

активного овладения на этом уровне не ставилась. Следовательно, перед респондентами стоял выбор: либо использовать придаточное предложение, как в русском языке, либо инфинитивную конструкцию (*complex object*), как в английском. Сразу же следует заметить, что довольно большое число правильных вариантов (23,75% в целом при переводе с двух языков) могло в некоторых ответах оказаться случайным, поскольку формы глаголов в настоящем времени изъявительного и сослагательного наклонений в ряде случаев совпадают. Поэтому некоторую часть этих вариантов можно считать интерференционно маркированными русским языком. Но довольно высок и процент ответов с использованием конструкции по модели «*complex object*», где очевидно влияние английского языка (21,25%). Речь идет о безусловно ошибочных структурах типа **Je veux de lui nous dire / *Je veux lui nous raconter / *Je voudrais lui de nous enseigner* и т. д. Интересно и появление так называемых «гибридных» вариантов, где конструкция частично отмечена влиянием разных языков, например **Je voudrais que lui nous parler* или **Je veux il nous racontera*. Примечательно, что структуры, маркированные влиянием английского языка, возникают с приблизительно одинаковой частотой как при переводе с русского, так и при переводе с английского языков. Более того, среди респондентов, которым русский текст был предъявлен первым, процент таких структур в переводе с русского выше, чем среди тех, кому сначала был предъявлен английский текст – 27%. Этот факт может служить доказательством нашего предположения о том, что репертуар фреймов ПРК нечетко разграничен по принадлежности тому или иному языку и что многим из этих фреймов ошибочно приписывается статус универсальности.

Что касается ошибочной конструкции *je veux / voudrais que* + глагол в *indicatif*, которая свидетельствует о явном интерференционном воздействии русского языка, то она обладает наибольшей частотностью. При этом глагол употребляется в 65% случаев в форме будущего времени (**Je veux qu'il nous apprendra*), что нельзя объяснить напрямую интерференцией с русским языком, поскольку русский глагол в подобных конструкциях стоит в форме условного наклонения (научил бы). Но, очевидно, это модальное значение носителями русского языка плохо осознается. Вообще, практика показывает, что студенты, для которых русский язык является родным, всегда стремятся выразить модальное значение не через систему глагольных форм, а лексически, при помощи модальных глаголов или наречий.

Возможно, однако, что ощущение неполной адекватности как будущего, так и настоящего времени и приводит к образованию «гибридов», то есть модель трансформируется в процессе ее развертывания в результате некоторой самокоррекции (**Je veux qu'il nous apprendre, *Je voudrais qu'il parler*).

Показательно, что, давая свободный ответ на вопрос, более половины испытуемых постарались обойтись без этой структуры.

Структура 5: – нам дают – *we are given – on nous donne / nous avons*

Выбранная форма	В переводе с русского (из 40 ответов)	В переводе с английского (из 40 ответов)	В целом по двум языкам (из 80 ответов)
ошибочно употребленный пассивный залог	4 (10%)	8 (20%)	12 (15%)
оп + глагол в активной форме	22 (55%)	18 (45%)	40 (50%)
je / nous + глагол в активной форме	4 (10%)	12 (30%)	16 (20%)
пропуск	3 (7,5%)	1 (2,5%)	4 (5%)
другое	7 (17,5%)	1 (2,5%)	8 (10%)

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что пассивный залог ошибочно употребляется в два раза чаще, когда речь идет о переводе английского текста. То есть здесь можно говорить о контактной интерференции. Влияние английского пассива на формирование французского ПЯ скорее отрицательно. Без него такие ошибочные употребления, как **nous sommes donnés des exercices*, были бы просто исключены. Но заметим, что при переводе с английского резко возрастает и показатель использования личного местоимения с глаголом в активной форме (*nous avons, nous faisons*). И это можно расценить как позитивное влияние, поскольку именно активные конструкции (особенно с глаголом *avoir*), скорее, характерны для французского языка и могут составить альтернативу повальному увлечению студентов-русофонов неопределенно-личным местоимением *on*, которое в их интерязыке по большей части употребляется для обозначения неопределенного лица, в то время как в естественном языке носителей *on*, как правило, включает самого говорящего, употребляясь в значении «мы».

III. Выводы

1. Результаты проведенного эксперимента в достаточной мере подтверждают гипотезу о недифференцированности фреймов в языковом сознании искусственных мультилингвов. В поисках адекватного и удобного средства выражения мысли на ПЯ2 участники эксперимента активно использовали фреймы, свойственные как родному языку, так и первому иностранному. При этом интерференция с тем или другим языком далеко не всегда проявлялась в непосредственном контакте. Так, ошибочная конструкция по модели *complex object* возникала с приблизительно одинаковой частотностью в переводе как с русского, так и с английского языков и даже в тех случаях, когда русский текст для перевода был предъявлен первым. Следовательно, интерферирующее воздействие того или иного языка определяется не только степенью владения этим языком, но и иными факторами, для описания которых принципиально важно изучать именно интерференцию с первым иностранным.

2. Интерференционное воздействие ПЯ1 не всегда принимает форму прямого калькирования, но часто стимулирует говорящего к поиску в ПЯ2 «универсального» оператора, аналогичного существующему в ПЯ1 (например, *pendant* по аналогии с *for*). Стремление к выбору однозначного и универсального оператора, очевидно, является одной из базовых характеристик промежуточных языков. Их промежуточный характер в случае учебного мультилингвизма можно понимать и в том смысле, что они занимают срединную позицию между искусственными и естественными языками, стремясь к однозначному соотношению между планом выражения и планом содержания.

3. Экспериментальное подтверждение получила гипотеза о слабом интерференционном потенциале нулевого оператора, что также подкрепляет идею о сходстве между промежуточными и искусственными языками. И в том, и в другом случае эксплицитность выражения отношений между элементами системы является важнейшим принципом ее построения.

4. Одним из проявлений тенденции к эксплицитности является принцип осознанности в формировании промежуточных систем. Результаты нашего эксперимента показали, что некоторые структуры РЯ и ПЯ1 не интерферируют в силу слабой отрефлексированности выражаемого отношения, как это происходит, например, в случае необходимости выразить модальное значение. В силу того, что носители русского языка зачастую не осознают модальную маркирован-

ность глагольной формы в структурах типа *Я хочу, чтобы он рассказал*, условное наклонение не возникает в соответствующих структурах на французском языке.

5. Эксперимент показал, что ПЯ и ПРК характеризуются неустойчивостью и изменчивостью в зависимости от решаемой задачи. Так, при переводе с РЯ и ИЯ1 участники эксперимента были вынуждены делать усилия для поиска и актуализации более сложных фреймов, чем те, которыми они пользовались в ситуации свободного высказывания. Однако же и тот узкий репертуар фреймов, который актуализировался в свободном высказывании, был во многом маркирован интерференцией с РЯ и ПЯ1, что подтверждает мысль о том, что интерференция (в широком понимании) представляет собой базовый механизм формирования промежуточных речевых кодов.

Отдавая себе отчет в том, что данные одного ограниченного по объему эксперимента не могут служить безусловным подтверждением выдвинутых нами гипотез, мы все же надеемся, что полученные результаты доказывают необходимость продолжения начатых исследований с целью выявления общих принципов и механизмов действия интерференционных процессов в языковом сознании мультилингва.

Список литературы

- Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Издательство Московского университета, 1989. 216 с.
- Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1982-1984. Т. 2: Проблемы общей психологии, 1982. 504 с.
- Дебрени М. Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 5. С. 12-19.
- Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26-38.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.
- Залевская А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6-22.
- Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: URSS, 2014. 312 с.
- Рогозная Н. Н. Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (на материале разноструктурных языков): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 381 с.

Шевнин А. Б. Эратология. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003. 216 с.

References

Akhutina, T. V. (1989). *Porozhdenie rechi. Neuro-lingvisticheskii analiz sintaksisa* [Language Production: Neurolinguistic Analysis of Syntax]. 216 p. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Debrenn, M. (2007). *Mezh"iazykovaia deviatologiya: oshibki porozhdeniia i ponimaniia* [Interlanguage Deviatology: Errors of Generation and Understanding]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia, No. 5, pp. 12–19. (In Russian)

Leontiev, A. A. (2014). *Psikholingvisticheskie ednitsy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniia*. [Psycholinguistic Units and Generation of Speech]. 312 p. Moscow, URSS. (In Russian)

Rogoznaia, N. N. (2003). *Tipologiya lingvisticheskoi interferentsii v russkoi rechi inostrantsev (na materiale raznostrukturnykh iazykov): dis. ... d-ra filol. nauk* [Typology of Linguistic Interference in Russian Speech of

Foreigners: Based on Differently Structured Languages: Doctoral Thesis]. Moscow, 381 p. (In Russian)

Shevnin, A. B. (2003). *Erratologiya*. [Erratology]. 216 p. Ekaterinburg, Uralskii gumanitarnyi institut. (In Russian)

Vygotsky, L. S. (1982). *Myshlenie i rech.* [Thinking and Speech]. Sobr. soch. v 6 t. [Collected Works in Six Volumes]. V. 2, 504 p. Moscow, Pedagogika. (In Russian)

Weinreich, U. (1979). *Iazykovye kontakty*. [Languages in Contact]. 263 p. Kiev, Vishcha shkola. (In Russian)

Zalevskaia, A. A. (1999). *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. 382 p. Moscow, RGGU. (In Russian)

Zalevskaia, A. A. (2009). *Rechevaia oshibka kak instrument nauchnogo issledovaniia* [Speech Error as an Instrument of Scientific Research]. Voprosy psikholingvistiki. No. 9, pp. 6–22. (In Russian)

Zhinkin, N. I. (1964). *O kodovykh perekhodakh vo vnutrennei rechi* [On the Coding Transitions in the Inner Speech]. Voprosy iazykoznanii. No. 6, pp. 26–38. (In Russian)

The article was submitted on 26.04.2018

Поступила в редакцию 26.04.2018

Лосева Наталья Владимировна,
кандидат филологических наук,
профессор,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России,
119454, Россия, Москва,
проспект Вернадского, 76.
natloseva@gmail.com

Метельская Людмила Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России,
119454, Россия, Москва,
проспект Вернадского, 76.
ludmilamet@mail.ru

Loseva Natalia Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Professor,
Moscow State Institute of International
Relations (University),
Russian Foreign Ministry,
76 Vernadskogo Pr.,
Moscow, 119454, Russian Federation.
natloseva@gmail.com

Metelskaya Liudmila Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow State Institute of International
Relations (University),
Russian Foreign Ministry,
76 Vernadskogo Pr.,
Moscow, 119454, Russian Federation.
ludmilamet@mail.ru